

Отношение предмета и объекта научного исследования в свете критической философии И. Канта

Волков Виталий Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор политических наук, профессор
polit@szags.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается проблема определения и отношения понятий предмета и объекта в научном исследовании. Критическая философия И. Канта выступает содержанием, в котором происходит обоснование необходимости определенного разрешения проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

предмет, объект, чувственность, рассудок, синтез, данность, трансцендентальная философия

Volkov V. A.

The Relation of a Subject and Object of Scientific Research in the Light of Critical Philosophy of I. Kant

Volkov Vitaly Aleksandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (Political Science), Professor
polit@szags.ru

ABSTRACT

The article deals with the definition and relationship of subject and object. The critical philosophy of Kant is content, in which there is substantiation and necessity of a permission problem.

KEYWORDS

subject, object, sensuality, reasoning, synthesis, givens, transcendental philosophy

«Наука не мыслит... Оставим этому утверждению его неприличный характер, хотя сразу добавим, что наука, как и все действия человека, зависима от мышления» [3, с. 137]. С такого изречения М. Хайдеггера уместно начать обсуждение одной из странных коллизий отношения предмета и объекта исследований, имеющей силу предрассудка. Эта проблема методологического характера вырвана из контекста логики познания усилиями бюрократического формализма и возведена в ранг одного из краеугольных камней упорядоченного научного исследования. Сложившееся устойчивое представление об этом отношении, особенно в диссертационных исследованиях, опирается на самые причудливые интерпретации.

Научное исследование не предполагает рефлексии по поводу оснований определения предмета исследования в его отношении к определяемому объекту исследования. Причем изложение темы часто начинается с объекта и затем переходит к предмету. Опора на сформированную в последние десятилетия традицию оформления научных исследований не подразумевает обращения к вопросам гносеологии.

В словарях и справочниках существует довольно пестрое соединение представлений о части и целом, о широком и узком, общем и частном, стороне и аспекте, касающихся отношения предмета и объекта. И чем больше представления противоречат здравому смыслу, тем на большую научность они претендуют. Такое многообразие и богатство воображения оправдывает справедливость процитированного утверждения М. Хайдеггера.

В чем же заключается необходимость употребления этих понятий в начале научного исследования? С чего начинается познание? Для того чтобы узнать, чему посвящена та или иная работа, мы ставим вопрос о предмете исследования. А есть ли необходимость ставить вопрос об объекте исследования? Если мы ограничимся этимологическими изысканиями этих двух терминов, то, без сомнения, убедимся, что они означают одно и то же. Латинское слово *objectum* — объект — означает «предмет». В русский язык слово «предмет» попало через чешский и польский языки в XVIII в., и этот термин является калькой латинского слова «объект». Под предметом, объектом понимается нечто пред-лежащее, пред-метное, выделенное человеком и не обязательное для его познания.

Таким образом, исходя из изложенного, можно предположить, что научная работа не обязывает исследователя определять отдельно предмет и объект для успешного осуществления исследования.

Вместе с тем нельзя не заметить, что эти термины не полностью синонимичны. Понятию «объект» противостоит понятие «субъект», в то время как понятие «предмет» не соотносится с понятием «субъект». Ему, скорее, противостоят психологические понятия «ощущение», «чувственность», «процесс». На различие в содержании понятий предмета и объекта, если таковое обнаруживается, может точнее указать история философии.

Ярким представителем истории философии, который критически осмыслил проблематику гносеологии, был великий немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804), автор «Критики чистого разума».

Кант впервые сознательно ввел различие понятий предмета и объекта познания. В чем же была необходимость этого различения, и каково было содержание этого различия?

Точкой отсчета в постановке проблемы служила констатация возникновения истинного научного знания в результате естественнонаучной революции, поставившей на центральное место мысленный эксперимент вместо случайных наблюдений и обобщений. Физики и математики спокойно приняли это как факт и не увидели в нем проблему для мышления.

И только новое понимание предмета познания в мысленном эксперименте позволило И. Канту объяснить возможность обнаружения всеобщего и необходимого знания, как критерия научности и объективности в самом опыте.

Знаменитое начало кантовской «Критики чистого разума» гласит: «Без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта... Но, хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта» [2, с. 105].

Мысленный эксперимент представляет нам совсем иного рода предметность, нежели ту, с которой мы сталкиваемся в обыденной жизни¹. Предмет, который нам в опыте дан, в то же самое время таковым не является, поскольку эта данность предмета возможна только как реализация условий заданности предмета в опыте. Иными словами, предмет может быть дан, если уже даны условия опыта предмета. Чтобы познать предмет опыта, необходимо знать условия опыта; следовательно,

¹ В естествознании познаются свойства не самих чувственных вещей, а идеализированных моделей, таких как идеальный газ, твердое тело и т. д.

необходимо априорное знание, чтобы было возможно апостериорное знание, но таким образом, чтобы оно начиналось с опыта, поскольку всякое познание начинается с опыта.

Предмет познания оказывается противоречием, которое требуется разрешить в процессе познания. Предмет репрезентирует вещь в себе, поскольку он дан мышлению, поскольку это мышление познает; в то же время предмет не есть вещь в себе, а значит, он и не дан. Он — явление, которое мышление конструирует для того, чтобы его познать в опыте.

Первый вопрос, который в связи с этим решает Кант, возникает уже тогда, когда необходимо понять, каким образом многообразие ощущений воспринимается как нечто единое, предмет. Здесь необходим синтез ощущений. Но как это сделать? Каким образом мы способны воспринимать предметность как таковую?

Кант усматривает фундаментальное противоречие познающего мышления в том, что в познании бытие отождествляется с мышлением, т. е. бытие и мысль о бытии есть одно, и, одновременно, бытие противоположно мышлению как предмет познания. Предмет в познании всегда представленный, т. е. он принадлежит мышлению, и в то же время, это все-таки предмет — то, что лежит перед мышлением.

Если не проводить различия между чувственностью и рассудком, то окажется, что либо спонтанное мышление, синтезирующее внешнее многообразие, не сможет отличать мысленный предмет от предмета мышления, либо рецептивная чувственность не сможет свести свой предмет к единству, мыслить его. Предмет мышления должен быть воспроизведен в мышлении, но вне собственно мышления.

Кант называет сферу собственно мышления рассудком, а сферу, в которой предмет дается — чувственностью.

Единство чувственности и рассудка Кант называет синтезом. Но он его понимает таким образом, что здесь многообразная чувственность соединяется с единством, и получается единый чувственный предмет. Чувственность не снимается в синтезе, наоборот, чувственный предмет остается наряду с понятием о нем. Такова общая схема синтеза. Причем в ней реализован трансцендентальный принцип: априорные формы соотносятся с ощущением и служат условием образования и познания предметов опыта. Но каким же образом осуществляется это соединение?

Первым моментом синтеза является чувственность. Несмотря на то, что предметы в чувственности даются, сама она не есть нечто непосредственное. Почему Кант не может признать ее таковой? Если бы чувственность не имела момента всеобщности в себе самой, то тогда не были бы возможны синтетические суждения априори, касающиеся созерцаний, значит, не была бы возможной и чистая математика. Созерцания в этом случае лишь обобщались бы, а всеобщее и необходимое знание было бы невозможно.

Таким образом, пространство и время — суть первые определения трансцендентальной философии. Они еще не представляют собой синтеза чувственности, они только дают ей форму рядоположенности, последовательности и постоянности.

Предмета чувственности, согласно Канту, в чувственности еще нет. В формировании предмета чувственности еще должен принять участие рассудок, чтобы стянуть многообразие восприятия в предмет, некоторое единство. Требуется осуществить синтез чувственности рассудком. Но здесь возникает новое противоречие. Рассудок должен синтезироваться с предметом чувственности, чтобы получить знание о нем. Здесь синтез рассудка своим продуктом должен иметь предмет, с которым он впоследствии опять синтезируется. Чтобы разрешить это противоречие, Кант различает деятельную способность синтеза на рассудок и продуктивную способность воображения.

Этот синтез рассудка с чувственностью Кант называет фигурным в отличие от интеллектуального синтеза, в котором действует один лишь рассудок. Фигурный

синтез конструирует предмет чувственности, а в интеллектуальном синтезе этот предмет познается. Это одна и та же деятельность рассудка, синтезирующая чувственность с собой, которая различается в себе на продуктивную способность воображения и собственно деятельность рассудка. «И тот и другой синтез трансцендентальны не только потому, что они сами происходят *argiōi*, но и потому, что они составляют основу возможности других априорных знаний» [2, с. 204].

Таким образом, сам предмет и его познание возможны лишь в случае, если они обусловлены синтетической деятельностью рассудка. А эта деятельность возможна только через всеобщие и необходимые формы синтеза, которые дает чистый рассудок под названием категорий.

Категории являются следующей после созерцания формой, в которой осуществляется трансцендентальный принцип.

Последний не исчерпывает себя в категориях, так как и с помощью синтеза не до конца оформляется предмет познания как предмет опыта. «Связь, — говорит Кант, — есть представление о синтетическом единстве многообразного» [2, с. 190–191]. Но сама связь еще не дает единства предмета. Скорее наоборот, связь возможна, если существует единство. «Трансцендентальное единство апперцепции есть то единство, благодаря которому все данное в созерцании объединяется в понятии об объекте» [2, с. 196].

Благодаря единству предмет есть объект познания. Только на этом уровне синтеза у И. Канта с необходимостью выступает объект.

Единство объекта требует единства познающего рассудка. Это единство есть возможность всех функций рассудка, и есть сам рассудок. По мере того как предмет восходит к единству, становясь объектом, мышление различает себя, становясь субъектом. Кант различает в рассудке его единство и функции, определяя первое как трансцендентальное единство самосознания. Возможность существования предметов опыта и их познания невозможна без представления — я мыслю. Оно выражает единство активности и пассивности деятельности мышления.

Уже в рассудке Кант проводит абстрактное различие между мышлением и познанием. Систематическая деятельность рассудка для познания *предмета* требует наличия созерцаний.

Однако мы можем мыслить *объект*, отвлекаясь от чувственного созерцания. Если мы отвлекаемся от нашего чувственного созерцания, то неопределенный объект мышления Кант называет ноуменом, имеющим негативный смысл. Следовательно, здесь допущено трансцендентальное применение рассудка в отношении объекта, т. е. единство мышления направлено на многообразие вообще. Если же мы допускаем интеллектуальное созерцание объекта, то получим ноумен, имеющий положительный смысл. Последний невозможен в трансцендентальной философии, поскольку он может быть продуктом только Божественного рассудка. Ноумен в негативном смысле ограничивает нашу чувственность, указывая на то, что возможна иная чувственность, а также указывает на вещи в себе, соответствующие объектам, но обладающие своими свойствами, не данными нам в созерцании. Рассудок может мыслить вещи в себе, называемые объектами-ноуменами, которые он не в силах познать [1, с. 91].

Истолкование проблемы отношения предмета и объекта в свете «Критики чистого разума» И. Канта показывает, что имеется достаточное основание в необходимости различения и употребления этих понятий. Кант начинает процесс познания с определения предмета. Объект и его определения выступают на завершающей фазе познания.

Объект научного исследования есть *единство предмета исследования, выраженного в понятиях*. Предмет исследования репрезентирован в качестве образа, неразрывно связанного с чувственностью, предлежащего в качестве данности — за-

данности. Предмет представлен, объект мыслится. Формулирование объекта исследования требует особого искусства и пронизательности, реализуемой через то, что И. Кант называет продуктивной способностью воображения. Суть его заключается в том, чтобы мыслить предварительно, забегая вперед и подготавливая путь тому, что должно прийти. Объективно то, что обладает предикатами всеобщности и необходимости. Объект исследования представляет собой абстрактную проекцию результата исследования и одним своим существованием он помогает прийти тому, что явится.

Литература

1. Волков В. А. Идея политики в немецкой классической философии (И. Кант, И. Г. Фихте) : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2002.
2. Кант И. Критика чистого разума. Сочинения : в 6 т. Т. 3. М. : Мысль, 1964.
3. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Разговор на проселочной дороге : сборник М. : Высшая школа, 1991.

References

1. Volkov V. A. *Ideas of policy in the German classical philosophy (I. Kant, J. Fichte)* [Ideya politiki v nemetskoj klassicheskoj filosofii (I. Kant, I. G. Fikhte)] : doctoral dissertation in political sciences. St. Petersburg, 2002.
2. Kant I. *Critique of Pure Reason* [Kritika chistogo razuma]. In 6 vol. V. 3. M. : Thought [Mysl'], 1964.
3. Heidegger M. *What means to think?* [Chto znachit myslit'?] // Conversation on a country road [Razgovor na proselochnoi doroge] : The collection of works. M. : The higher school [Vysshaya Shkola], 1991.